

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

СЕКРЕТНО

JOE NAVARRO

**THREE MINUTES
TO DOOMSDAY**

An Agent, a Traitor,
and the Worst
Espionage Breach
in U.S. History

SCRIBNER

ДЖО НАВАРРО

**ТРИ МИНУТЫ
ДО СУДНОГО ДНЯ**

Самый громкий
шпионский скандал
в истории США

БОМБОРА™

Москва 2018

УДК 159.9
ББК 88.53
Н15

Joe Navarro

THREE MINUTES TO DOOMSDAY AN AGENT,
A TRAITOR, AND THE WORST ESPIONAGE
BREACH IN U.S. HISTORY

© 2017 by Joe Navarro

Наварро, Джо.

Н15 Три минуты до судебного дня. Самый громкий шпионский скандал в истории США / Джо Наварро ; [пер. с англ. З. Мамедьярова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-04-090935-3

Последние дни холодной войны. Отношения между странами напряжены до предела.

В 1988 году Джо Наварро, самый молодой агент ФБР и первоклассный специалист по языку тела, заметил нечто необычное в поведении подозреваемого — бывшего американского солдата Рода Рамси. Этого было достаточно, чтобы ФБР настояло на начале расследования.

За этим последовала уникальная борьба умов. Агент ФБР, который должен был вести тонкую игру, чтобы не спугнуть подозреваемого, и преступник, получавший удовольствие оттого, что водил за нос своего преследователя.

Это история о герое, который подверг себя опасностям и эмоциональному истощению и сплотил команду, чтобы раскрыть уязвимые места в обороне Америки. Это шокирующая инсайдерская информация, как раскрытие секретных планов ядерного вооружения грозило полным уничтожением Соединенных Штатов.

УДК 159.9
ББК 88.53

© Мамедьяров З.,
перевод на русский язык, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-090935-3

Моей дочери Стефани

*Может, ты наконец поймешь,
почему меня так часто
не было дома*

Важно не что с тобой происходит, а как ты к этому относишься.

Эпиктет¹

¹ Эпиктет (ок. 50–138) — древнегреческий философ.

Оглавление

Пролог	9
Глава 1. «СУБЪЕКТ РАМСИ БЫЛ ОБНАЖЕН...»	13
Глава 2. БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	43
Глава 3. НА НЕРВАХ	72
Глава 4. ПОЯСНЕНИЯ И ОТГОВОРКИ	79
Глава 5. ТРИУМФ И ОТЧАЯНИЕ	92
Глава 6. ОБХОДНЫЕ ПУТИ	107
Глава 7. ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ	117
Глава 8. МОЙ ГОД В ПУСТЫНЕ	133
Глава 9. МУДИ-ОНА	147
Глава 10. ОБРАЗОВАНИЕ НАВАРРО	165
Глава 11. КТО ЗДЕСЬ САМЫЙ УМНЫЙ	190
Глава 12. ЭТО ВСЕ МЕНЯЕТ?	222
Глава 13. КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС	247
Глава 14. «ТАК ДАЛЬШЕ ПРОДОЛЖАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ»	266
Глава 15. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ	279
Глава 16. ЙОЗЕФ-ШНАЙДЕР-ПАЗА, 4	296
Глава 17. ОХРЕНЕТЬ!	304
Глава 18. МАНЖЕТЫ И ПОДТЯЖКИ	326
Глава 19. В ГНЕЗДЕ АНТЕНН	336

Глава 20. ВАРИАНТЫ ВЫБОРА	346
Глава 21. ЛИЦОМ К ЛИЦУ	350
Глава 22. ВСЕ ПО МЕСТАМ!	362
Глава 23. «ДЖО НАВАРРО ОБ ЭТОМ ЗНАЕТ?»	375
Глава 24. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	392
Благодарности	409

Пролог

17 апреля 1961 года

Место действия — город Сьенфуэгос на берегу большого залива на южном побережье Кубы. Время — раннее утро. Мне семь лет, и я иду в соседний магазин, чтобы купить хлеба на завтрак. Небо вдруг взрывается ревом самолетов. Они стреляют. Мама кричит мне что-то, а я застыл на месте, замороженный происходящим над головой. Меня толкают на землю. Отец, запыхавшись, накрывает меня своим телом. Я лежу рядом с электрическим столбом, чувствую запах черной смолы, которой обмазано его основание, и рассматриваю царапины, оставленные «кошками» электриков.

Отец шепчет, чтобы я не шевелился и не поднимал голову, но я все равно пытаюсь разглядеть, что происходит в небе. Из самолетов выпадают какие-то блестящие металлические предметы — не снаряды (как я узнаю потом), а отстрелянные гильзы. После налета мы, ребяташки, будем часами искать их на земле. Мы пока не знаем, что в часе езды от нас, в заливе Свиней, началось американское вторжение.

На следующий день люди Кастро пришли за моим отцом.

Его удерживали девятнадцать дней — избивали, мучили угрозами, почти не кормили, как и тысячи других несчастных, которых без предъявления об-

винений закрыли в местном спортивном комплексе. Потом другой узник отдал ему свое удостоверение личности. Тот человек знал, что мой отец ненавидит Кастро и в конце концов будет признан контрреволюционером.

Шанс был невелик, но в неразберихе отцу удалось выйти на волю. Он вернулся домой — к маме, ко мне и двум моим сестрам, — но только на пару часов. Он собрал немного вещей, не взял даже чемодана и сказал матери, что должен бежать, пока охранники не заметили ошибку и он не оказался вместе с другими контрреволюционерами у стены, в ожидании расстрела. Через несколько недель тысячи людей действительно были казнены или просто исчезли.

Куда ушел отец? Он не сказал. Он не хотел, чтобы мы это знали, ведь солдаты могли вернуться. Он обнял нас всех и поцеловал меня последним. Верный царящим на Кубе патриархальным обычаям, он сказал мне на прощание: «Теперь ты главный в семье. Ты должен стать мужчиной». Слезы покатались у меня по щекам, я еле держался на своих тощих ногах. Так закончилось мое детство.

Через неделю кубинские солдаты, которые тайно наблюдали за нашим домом, ворвались к нам среди ночи и обыскали все комнаты. Они ушли ни с чем, но сначала согноли нас в гостиную и погрозили винтовками. Намек был ясен: нужно бежать. Америка стала для нас землей надежды.

А теперь перенесемся в 1971 год, на десять лет позже операции в заливе Свиней. Место действия — Южная Флорида. Мне семнадцать лет, и я оканчиваю школу Хайалиа, где неплохо играл в бейсбол и

уже получил более тридцати предложений стипендии. По вечерам я работаю кассиром в спортивном отделе универмага «Ричардс» на 103-й улице в Хайалиа. Я стою за кассой, когда управляющий звонит мне по внутреннему номеру: «Останови двух мужчин, которые идут по магазину. Они только что нас ограбили!»

Я бросаюсь за мужчинами, они скрываются за одежной стойкой. Я бегу вперед, блокирую выход, как вдруг один из них выскакивает из-за стойки и летит прямо на меня. В последний момент я замечаю нож. Я уклоняюсь, но этого оказывается недостаточно.

Хирурги наложили мне на левую руку 180 швов, внутренних и внешних. Они сшили бицепс и трицепс, восстановили разорванные артерии. Рассеченные мускулы сократились почти до самой груди, и докторам пришлось вытаскивать их обратно. Я провёл в больнице двадцать один день и потерял много крови. В ране развилась инфекция, я почти не чувствовал пальцев и не мог пошевелить ими.

Я выздоровел, но моя спортивная карьера закончилась. Еще два года я не мог поднять руку над головой. Когда все лекарства, электростимуляция, пластические операции, профессиональная терапия и реабилитация остались в прошлом, я получил письмо от президента Ричарда Никсона, который благодарил меня за проявленный «героизм». Тяжелые времена для Никсона еще не настали — Уотергейтский скандал ждал его впереди. А пока **Я ГОРДИЛСЯ, ЧТО АМЕРИКАНСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ НАШЕЛ ВРЕМЯ ПОБЛАГОДАРИТЬ КАКОГО-ТО ИММИГРАНТА, КОТОРЫЙ ПРОСТО ИСПОЛНИЛ СВОЙ ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ.**

С самого детства три мощные силы задавали курс моей жизни. Любовь и благодарность Америке за гостеприимство, оказанное моей семье. Непреходящее чувство (оно со мной и сейчас), что я никогда не смогу в полной мере отплатить этой стране за все возможности, которые она нам предоставила. Убеждение, что, как сказал Эмерсон¹, «Когда долг тихо шепчет: “Ты должен”, — юность отвечает: “Я могу”».

Впоследствии Род Рамси подвергнет это чувство долга таким испытаниям, каких я не мог и представить. Будут моменты, когда я с ужасом поверю, что он нас переиграет. Его интеллект и интересы потрясут всех и каждого, но одновременно станет ясно, что его мало заботит то, что так важно для меня: государство, честь, патриотизм. Потому он и окажется так опасен не только для этой страны, но и для всего мира.

¹ Ральф Уолдо Эмерсон (1803—1882) — американский эссеист, поэт, философ, пастор, лектор, общественный деятель.

Глава 1

«СУБЪЕКТ РАМСИ БЫЛ ОБНАЖЕН...»

23 августа 1988 года

Мне было тридцать пять, и я работал на ФБР с двадцати трех лет — большую часть своей взрослой жизни. Рекрутер в Бюро сказал, что они лишь однажды делали предложение человеку моложе меня. Не знаю, правда ли это. Интересно, что ФБР узнало обо мне благодаря футболу, хотя я уже не участвовал в серьезных матчах.

Пока я лежал в больнице в Майами, мой последний школьный год заканчивался и тридцать одно из тридцати двух предложений спортивной стипендии были отозваны. Осталось лишь одно — из Университета Бригама Янга. Тренер Лавелл Эдвардс позволил мне и сказал, что все еще хочет видеть меня в команде. Почему бы не попробовать? Я попробовал, но через три дня рука, которую я перед этим чуть не потерял, распухла и стала в три раза толще. Врачи заговорили о тромбах и возможном повреждении нервов.

Так пришел конец моим мечтам о футбольной славе, но я остался в университете, перебиваясь на стипендии, кредитах и случайных заработках. Среди прочего я служил в полиции кампуса, куда мне порекомендовал устроиться мой преподаватель по криминологии. Когда Агентство национальной безопасности, ЦРУ и ФБР прислали сюда своих вербов-

щиков, которых они отправляют во многие учебные заведения, мой опыт показался им подходящим: полицейский в кампусе, выпускник Полицейской академии Юты, убежденный противник коммунизма и Кастро, кубинский эмигрант, беззаветно влюбленный в Америку. Может, я и правда был вторым по возрасту среди рекрутов. Разве Бюро могло отыскать в ком-то более удачное сочетание качеств?

Что до меня самого, я отчаянно нуждался в деньгах и потому согласился на месте, даже не думая.

Вскоре я узнал: в ФБР не бывает нормированного рабочего времени. По контракту я обязан был работать по десять с половиной часов в день, но меня постоянно просили делать все больше и давали на это все меньше времени. Людей постоянно не хватало, и на первый план выходили «нужды Бюро» — эта фраза возникала каждый раз, когда я собирался провести выходные с семьей, но в последний момент был вынужден все отменять.

Когда я жил в Пуэрто-Рико, там не хватало ребят в отрядах SWAT, которые занимались терроризмом. Мой начальник предложил меня «добровольцем» — точнее, в один прекрасный день я увидел свое имя среди записавшихся на четырехнедельный базовый SWAT-тренинг. Не то чтобы я сильно возражал. Тренироваться было здорово, да и кому *не хочется* иметь в своем багажнике пистолет-пулемет Heckler & Koch MP5 с глушителем? Теперь раз в несколько недель помимо обычной работы я принимал участие в операциях SWAT, которые порой растягивались на несколько дней. Заниматься приходилось всяким — от угонов самолетов до ликвидации террористов-

мачетеро (вообще-то *мачетеро* означает «размахивающий мачете», но у этих ребят в ход обычно шли пистолеты, винтовки и даже бомбы).

Много времени отнимали перелеты. Изучив мою биографию, Бюро узнало, что в школе я получил лицензию пилота, и меня то и дело просили помочь с наблюдением с воздуха. Возражал ли я? Не особенно. Пересесть с примитивной «Сессны-150» на «Сессну-182» с убирающимся шасси и встроенным кондиционером было приятно, к тому же теперь мне платили за полеты, а не наоборот. Но работать приходилось на износ. Часто я заканчивал обычную смену, затем летал с шести вечера до полуночи — летать в это время одно удовольствие, ведь по вечерам ветер часто стихает, — так что рабочий день порой длился шестнадцать часов подряд. Иногда я засыпал, стоя в очереди в супермаркете.

В конце концов полеты и спецоперации уступили место тому, что мне нравилось больше всего: работе в контрразведке, или КР. Такая работа заставляет тебя постоянно чувствовать связь с внешним миром, ведь ты следишь за происходящим на другом краю земли. Любая страна может справиться с ограблениями банков, угонами автомобилей, изнасилованиями, даже бунтами, но шпионаж — это единственное преступление, которое грозит ей уничтожением. **ПРАВИЛЬНО ОРГАНИЗОВАВ РАЗВЕДКУ, МОЖНО ПОЛНОСТЬЮ ОБЕЗОРУЖИТЬ ДРУГОЕ ГОСУДАРСТВО И ДАЖЕ ИЗМЕНИТЬ ХОД ИСТОРИИ.** Потому я и люблю контрразведку, ведь она особенно важна.

Почти каждое утро я начинал с изучения ежедневной разведывательной сводки, которая приходила по трескучему телетайпу. Накануне я летал чуть